

Lich King. Connecting people.

*If our two loves be one, or, thou and I
Love so alike, that none do slacken, none can die.*

© John Donne - The Good Morrow

«Кошмарные челюсти с громким щелчком захлопнулись прямо у моего уха. Не знаю, как я увернулся тогда, ведь отчасти я уже представлял, как остатки моих костей будут гнить на этих зубах-иглах еще очень, очень долго, точно так же, как и плоть тех бедняг, попавшихся дракону до меня. Именно из-за них, отбеленный ветрами да непогодами, скелет левиафана по-прежнему смердел погибелью, даже еще хлеще, чем моя не менее мертвя туша.

Ведомое темным колдовством Плети, некогда величественное создание теперь было охвачено безумием, гневом и болью. Все это — я чувствовал, видел в глазах зверя. Так же, как и мои, они были затянуты непроницаемой лазурной дымкой, но, в отличие от меня, чудовище по-прежнему служило своему зловещему повелителю, ища и уничтожая все живое...»

— Как поэтично, — вмешался Рейтар. Его речь кусалась цинизмом и недоверием, а на собеседника он даже не смотрел. Стоя к нему спиной, рыцарь продолжал колдовать над многочисленными склянками у алхимического стола. — Жаль эта тварь тебя не слопала — одним сказочником в мире могло стать меньше.

— Ты не веришь мне? — обиженно возмутился “сказочник” и ответом ему была тишина. Он не мог видеть, как эльф напротив вознес взгляд к небу, зато отчетливо различал отрицание в движении длинного, смоляного хвоста.

— В одиночку с драконом? — вздохнув, длиннохвостый повернулся и сложил руки на груди. — Я скорее поверю в то, что ты спятил в своем отшельничестве, Син. Поставив болтливому гостю диагноз, алхимик снова обратил свой взор к рабочему столу, не иначе, задумался о том что из этих разноцветных жидкостей могло бы помочь в его случае.

Но как бы он не надеялся, не бывало в мире такого лекарства, что заставило бы Синервена молчать. Дождавшись реакции, тот засуетился пуще прежнего.

— Ничего я не спятил, ты послушай...

«Когда в ясную, погожую ночь на меня внезапно обрушилась снежная буря, я не сразу понял, что происходит. Сугробы вздыбились, под гнетом могучих крыльев закручиваясь в ураганы, а ветер с силой ударил мне в спину. Едва устояв на ногах, я обернулся, и среди звезд на чернильном небе различил две, сияющие особенно ярко — то были глаза мертвого дракона.

Не дав мне ни секунды на размышлении, змей спикировал вниз, с треском ломая собой ветки и сучья. Промедли я хоть немножко и, вероятно, лежать бы мне, поломанным так же, как и эти ветки, в промерзшей земле. В месте, где никто из родных и друзей никогда не нашел бы мое тело. Заметенный пургой, потерянный, в вечном безрадостном забвении...»

– Вот ты и прокололся.

– Чего? – Синервен даже на вид казался вдвое старше своего собеседника, однако вел себя ничуть не лучше обиженного ребенка, которого то и дело пытаются уличить во лжи.

– Нет у тебя родных и друзей.

Игнорируя беззлобный смех Рейтара, Син махнул на него рукой и продолжил.

«Но благодаря своей незаурядной ловкости, я успел отскочить в сторону, хоть прыжок и дорого мне обошелся. Забытые снегом, тяжелые латы моментально стали практически неподъемными, лишая меня возможности бежать. Только сразившись с ящером я мог продолжить свой путь. Впрочем, тогда на подобные мысли даже не было времени.

Дракон не стал дожидаться, пока я приду в себя, и рванулся в атаку снова.

Огромные когти, каждый с ладонь длиной, вцепились мне в плечо. Чудовище знало, что стоит ему уронить свою жертву на землю, как мощные лапы разорвут ее тело в клочья. Знал это и я, так что изо всех сил старался не дать врагу преимущества. Замахнувшись, я нанес стремительный удар, отталкивая дракона от себя. Меч рассек его колючие ребра — осколки костей разлетелись дугой, но змей не обращал на это никакого внимания.»

В пол уха слушая эпическое повествование от такого же, как и он, рыцаря смерти, Рей готовился к тому, зачем к нему порой захаживали собратья по нежизни. Проклятые Королем Личом, их раны по-прежнему истекали темной кровью, но заживая месяцами, они вносили в и без того безрадостное существование еще больше мрачных красок. Будучи талантливым алхимиком, преуспевшим на своем поприще еще в Акерусе, Рей мог им помочь.

Один из нуждающихся в его помощи, эльф сидел на краешке хозяйствской кровати и упоенно рассказывал свою историю. Казалось, он настолько отчаялся в том, чтобы быть услышанным, что говорил сам с собой и, зная, чем занимается этот рыцарь тогда, когда не болтает, Рей не возражал. Признаться, он и сам, бывало, скучал по непринужденной болтовне. После того как смерть сомкнула свою каменную хватку на его шее, все “простое” стало недоступным.

Усевшись рядом, Рейтар расположил между ними глубокую посудину, до краев наполненную какой-то пахучей жидкостью и разодранными в полоски льняными тряпками. Он выудил один из бинтов, хорошенъко отжал и, намотав на кулак, уже было собрался осторожно провести им по ране, но замер прежде, чем коснуться серой кожи. Свежие шрамы, с которыми пришел к нему Син, могли бы стать последними, будь он живым. Необычно широкие и глубокие, они и правда походили на следы гигантских когтей. Опустив взгляд ниже, Рей заметил две страшные царапины на боку. Содранные куски мяса оголяли небольшие участки ребер, и от одного взгляда на них, тело, которое в нынешние дни редко испытывало боль, почему-то неприятно заломило. Задумавшийся над природой происхождения этих кровавых рвов, Рейтар не сразу обратил внимание на то, что речь, до того лившаяся нескончаемым потоком, вдруг затихла. Подняв глаза, он встретился взглядом с раненым рыцарем, чье присутствие неожиданно показалось слишком близким. Слегка отпрянув, Рей снова потянулся к ранам, возвращаясь к работе.

– Кстати, есть нитка?

– Найдем.

– Я бы предпочел, чтобы мой внутренний мир видели только избранные.

На мгновение оторвав тряпку от раны, алхимик поборол смутное желание ткнуть ее чем-нибудь. Вместо этого он тихо вздохнул и сделал вид, что ничего не понял. Тем временем, Син не унимался:

– Хочешь, я расскажу как получил эти шрамы?

– Не очень.

– Отлично.

Холодные – даже для мертвеца – пальцы Рея легли на плечо, заставляя вздрогивать. Касаясь его рук, влажные бинты моментально покрывались бледным налетом инея, и не испытывавший столь близкого родства с морозной стихией, Син едва ощутимо дрожал, по мере того как один за другим льняные ленты обволакивали его тело.

«Удар, еще удар — крылатой заразе было все равно. Кости крошились, трескались, осыпали снег вокруг нас, но дракон и не думал сдаваться. В какой-то момент я осознал, что несмотря на то, что оба мы не знаем усталости, рано или поздно я допущу ошибку, и тогда звериная ярость возьмет верх. Мне нужна была тактика, хитрый маневр, что одним точным движением завершит наш бой. Первые лучи солнца, пробиваясь сквозь бесконечную мглу Нордскола, уже облизывали верхушки деревьев, когда мне все же удалось осуществить свой план.

В очередной раз оттолкнув от себя хищную морду, я встал, собирая силы для рисковой уловки. Дракон не заставил себя долго ждать — метнувшись в мою сторону, он целился мне в глотку, желая раз и навсегда покончить с моим существованием. И тогда, подгадав момент, я извернулся и что есть сил ударил мечом по пролетающей мимо костлявой шее. Вонзая в нее меч, я надеялся отрубить голову проклятой твари, но лезвие прошло сквозь кости и надежно застряло между позвонками. Ледяной ящер оглушительно взывал, но скорее от досады, нежели чем от боли. Его неугомонное змеиное тело, пригвожденное к земле, извивалось, разбрасывая снег вокруг, от взмаха его крыльев, оставшиеся вокруг нас деревья жалобно трещали и гнулись...»

– Не дергайся, – тихо попросил Рей, наказывая активно жестикулирующему “крыльями” пациенту не мешать накладывать ему повязку.

Ставший, в своем роде, “постоянным клиентом”, Синервен не в первый раз посещал его скромное логово. С того самого дня, когда Рыцари Смерти разбрелись, ведомые своими, не Лича, мотивами и целями, Рейтар поселился на одном из аванпостов Орды, посильно помогая местным зельеварам. Тогда же он встретил этого бродягу, призрака из прошлого.

Бывший до Третьей Войны высокопоставленным военнослужащим, Син был хорошо ему знаком. Пожалуй, Рейтар знал капитана лучше, чем его собственная жена... Что уж говорить, не будь она помехой, отношения рыцарей едва ли остались бы на уровне закадычной дружбы.

Но то дела давно минувших, светлых и почти мирных дней... Теперь же, когда от жизни осталась лишь бледная тень, мечты и грэзы канули в Лету и рыцари нашли себе новые

интересы, отличные от тех, что свойственны живым. Свои Синервен решил посвятить бесконечному мщению бывшим соратникам, все еще служивших Артасу службу. Изо дня в день скитаясь по холодным снегам, он лишь изредка навещал старого знакомого, прося залечить раны. Но, по правде, Рею всегда казалось, что гость заходил к нему не поэтому. Производившему впечатление существа сильного и опасного, алхимик вообще сомневался, что Сину нужно хоть какое-то лечение, кроме... душевного. Отчасти, молчаливый рыцарь понимал его желание поговорить, а потому, совсем не препятствовал повествованию красочных легенд, в подлинность которых он, конечно, не верил.

«В беспомощном состоянии дракона я увидел свой шанс. Вскочив на хребет врага и упираясь в него ногами, я что есть сил потянул челюсть змея вверх, на себя. Прежде чем хрустнув, драконье тело обмякло и ухнуло на землю, его острые, чудовищные зубы вдрызг разодрали кольчугу на моих перчатках! Лишь успокоившись, я заметил что пострадали не только руки — зияющие дыры в боку, оставленные, должно быть, пролетевшими мимо клыками, теперь медленно истекали черной кровью... Но все это были мелочи, в сравнении со вкусом победы, пришедшем с поражением хищного порождения Плети. Довольный собой, я стоял, опершись на меч и рассматривал свой трофей. Но радоваться мне пришлось недолго: привлеченный предсмертным воплем своего сородича, на горизонте показался еще один крылатый силуэт, а за ним еще и...»

— Ай! — что “еще”, Синервен договорить не успел, прерванный нарочито-болезненно затянутым бинтом.

— Достаточно.

Встав с постели, Рей отнес остатки снадобья к столу и принялся деловито разбирать приборы. Всем своим видом он давал понять, что работа его закончена, а зашитый и перевязанный, Рыцарь Смерти был волен снова отправляться в свой бесконечный крестовый поход по бескрайним пустошам Драконьего Погоста — нести возмездие всевозможной нежити Плети. Сам странник, однако, так не считал. Сначала за спиной послышался скрип кровати, стук железных подошв по половицам, а затем и шепот, раздавшийся у самого уха.

— Подожди, самое интересное только начинается.

По голосу, из которого разом исчезли все ироничные нотки, трудно было сказать, говорил ли Син о драконах, или же подразумевал что-то еще. Бессстрастный и серьезный, он больше соответствовал возрасту и образу рыцаря. Вся его сага, до того звучавшая как страшная сказка на ночь, в момент преобразилась, приобретая в воображении слушателя все более леденящие кровь подробности.

— Расскажешь мне, как оседлал еще двоих? — тон эльфа по-прежнему был полон присущей ему невозмутимости. Старательно не замечая этих мелочей, он и не думал отрываться от своих дел, но совсем скоро стало ясно, что и с делами, и с историями на сегодня покончено. Осторожно, будто боясь спугнуть, на его бедра опустились руки Сина. Цепляясь за ткань, шершавые пальцы огладили талию — легко и невесомо, без тени пошлости, словно бы он давал им время привыкнуть друг к другу.

— Ну, не оседлал...

Чужое дыхание робко тронуло шею и от прикосновения обветренных губ к коже, по телу прошлась горячая волна — ощущение, давно погребенное вместе со смертным прошлым, Рей уже и забыл, насколько оно приятно. Проскользив за край рубашки, кончиками пальцев рыцарь ласково поглаживал шрамы, с каждым движением все сильнее путая мысли. Только тихий лязг металла вернул Рейтара с небес на землю, заставляя приоткрыть глаза.

— На кой черт ты... — скосив взгляд вниз, где Син уже во всю разбирался с пряжкой ремня, Рей слегка осекся. — На кой черт ты *туда* полез?

Разумеется, он имел в виду драконы утесы... или нет.

— Ради тебя, — послышалось ему в ответ.

— Ради меня?

Рейтар мало что понимал в тот момент, но в одном он был уверен точно — опасная авантюра вряд ли могла ему чем-то помочь. В недоумении он повернулся, тут же ощущив, как навалившись всем весом, тяжелая фигура впечатала его в стол. От удара дрогнули колбы и пробирки; прозвенев последний раз в жизни, что-то хрупкое скатилось со стола, рассыпаясь вдребезги. Удивление, вперемешку с раздражением от столь наглых манер, грозились разразиться гневными проклятиями, но они разбились точно так же, как и стекло на полу, стоило Рейю посмотреть рыцарю в глаза. Ледяные, как и у всех слуг Лича, они все же отличались от прочих — их лед обжигал, выдавая во взгляде что-то, напрочь отбивавшее охоту спорить. Так и не дождавшись возражений, Син потянулся к шее Рейтара. Язык коснулся старого белесого рубца, тонкой нитью пересекающего горло и, судорожно вдохнув, Рей неуверенно подался навстречу. Обняв партнера за плечи, его бледные руки прошлись вдоль перевязки, едва поддевая ее ногтями, а затем дальше — по позвоночнику. Слабо царапая кожу, оставляя за собой светлые полосы и волны мурашек, касания Рейтара заставляли прогибаться в спине и прижиматься к нему всем телом, прося еще.

— Как же я тебя... — начал было Син, но замолчал, когда пропустив несколько прядей сквозь пальцы, словно через гребень, Рейтар собрал его волосы в кулак. Слова потеряли всякий смысл, уступая место тяжелому дыханию и сдержаным стонам. Их след, оставшийся легким привкусом эмоций на губах, задавал настроение поцелую, сначала чувственному, а после жадному и нетерпеливому. Больно кусая друг друга, они прерывались только на то, чтобы глотнуть немного воздуха да стащить какой-нибудь лишний предмет одежды; целуясь *так*, будто в попытке почувствовать больше, ярче, стремились наверстать упущенное за все те мучительные годы, проведенные в объятиях смерти...

Хлипкий и ненадежный, стол не разделял их страсти.

Он явно не был рассчитан на вес двух взрослых мужчин, о чем не преминул им напомнить, выразительно хрустнув. Следом послышались негромкие ругательства и хриплое “пойдем” в открытые губы, шелест ткани и напряженный скрип пружин. Ловко расправившись с рубашкой и замком заколки в волосах, Син толкнул Рейтара в грудь, роняя на постель. Растрепанный и возбужденный, один его вид вызывал у Сина мелкую дрожь. Глубоко вдохнув в попытке унять нервы, он протянул руку.

Невесомое движение, с которым широкая ладонь скользила вдоль тела Рейтара, брало свое начало от его ключиц. Кончики пальцев, едва касаясь, провели по венам на шее — даже в слабом свете свечей эльф видел их, легко различимые на белой коже.

Очертив грудь, отчаянно старавшуюся восстановить дыхание, спустился ниже, к животу и, огладив мышцы, остановился, не пересекая черту... Подняв глаза на лицо алхимика, Син увидел как он, наблюдавший за ним из под полуоткрытых век, на секунду поймал взгляд любовника и едва различимо нахмурился. Будто прочитав его мысли, Син ответил ему успокаивающим шипением:

– Её нет в моих мыслях больше.

Одну лукавую улыбку спустя это уже не имело значения.

Пальцы сомкнулись на возбужденной плоти, вырывая из груди протяжный стон. Прижимаясь губами к горячей коже, Син дразнил алхимика. Мягкие поцелуи вынуждали его подаваться навстречу, а руки сами тянулись к воронова крыла гриве, стремясь запутать и без того растрепанные волосы еще больше. Его прерывистое дыхание, лучшей похвалой служившее Сину, сводило на нет всю выдержку, тягучим желанием отдаваясь в низу живота. Ледяное прикосновение на чувствительных ушах было последней каплей терпения и вздрогнув, Син отстранился, не в силах больше сдерживаться. Ухватившись за край штанов Рейтара, рыцарь быстрым движением стащил их и отбросил в сторону. Он коснулся голого бедра и повел ладонь к колену, потянул вверх и в сторону, наклонился ближе и ощупил чужую руку на своей шее. Притянув его к себе, Рей с силой прижал израненное тело к своему. Взвыли шрамы, старые и совсем свежие, зубы оскалились выдавая боль, которую, уже через мгновение, они делили на двоих.

Секунда, вторая, третья — и от болезненных ощущений осталось только сладостное послевкусие, словно от крепленого рома, который тяжело пить и приятно ощущать на языке...

Годами копившиеся эмоции переполняли, а память выцарапывала из потаенных уголков все то, что хотелось когда-то сказать и сделать. По иронии судьбы, все это стало возможным только после смерти. И потому, тогда, когда на стоны уже не хватало сил и дыхания, в душной тишине лаборатории прозвучали именно эти слова: «*Ради тебя стоило умереть*»

Утомленный, Рей пришел в себя через несколько часов. На улице и в доме царила мертвая тишина, а свечи давно догорели, погрузив комнату в полуночный мрак. В ее монохромном интерьере, среди этой непроглядной темноты, что-то яркое и знакомое бросалось в глаза. Проморгавшись, Рейтар приподнялся на локтях, фокусируя взглядом на странном предмете, голубоватой мглой манящим его с противоположной стороны кровати. Разглядев, наконец, загадочную вещь, он вскочил на месте, не веря своим глазам.

– Это еще что? – спал Син, или только делал вид, наслаждаясь минутами покоя, алхимику было все равно. Увлеченный своим открытием, Рей похлопал любовника по плечу, вынуждая скосить на себя сонный глаз.

– Как “что”... – на проверку, вещь оказалась повешенным на спинку кровати поясом и по всему выходило, что принадлежал он Синервену. В сумке на поясе, внутри закупоренной колбы, светилась и переливалась дымчатая, льдистая субстанция, один к одному похожая на ту, что магическим ореолом окружала меч Короля Лича. Три

свирепые морды разевали на Рейтара свои пасти, пытаясь вырваться из хрупкой стеклянной клетки. – ...Драконы. Ты что, меня не слушал?

– Драконы?.. – повторил Рей растерянно.

– Ну да, ты же говорил, что тебе не хватает.

Вглядываясь в текучий дым, алхимик пытался вспомнить, когда и чего ему не хватало, и воспоминания привели его к тому дню, когда разработка своих лечебных снадобий свела его с необходимостью заполучить эссенцию души более могучей, нежели чем бродящие вокруг гули. Ресурсы позволяли только мечтать о таких материалах, так что фраза о недостатке была скорее озвученной вслух мыслью, нежели чем просьбой.

Очевидно, Синервен подошел к вопросу радикально.

– Демоны тебя побери, неужели это правда? Ты завалил трех драконов?

Лениво и сонно, согревшиеся под тряпками руки Синервена потащили алхимика назад в кроватный плен.

– И еще тридцать три завалю, если будет на то твоя воля.

– Я *тебя* завалю, если еще раз припрешься с такими ранами.

Тихим смехом отозвался драконоборец из под одеяла. Для него очевидным был тот факт, что если кого и “зavalят” сегодняшним днем, так только в пределах кровати. Ну а потом... Потом посмотрим.